

Ник М

До
ПОСЛЕДНЕЙ
МИНУТЫ

Nik M

До последней минуты

«Автор»

2026

М N.

До последней минуты / N. M — «Автор», 2026

Десять лет после чумы. Истории людей, которых больше нет, собираются воедино. Письма, попутчики, исповеди, воспоминания — так хроника обрастает главами. Доктор настоящий, доктор, скрывшийся под маской летом сорок девятого. Все те, кто попал в паутину. Это попытка написать их живыми — мёртвыми они и так останутся.

Содержание

Глава Первая. Письмо	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Nik M

До последней минуты

Глава Первая. Письмо

Моё долгое путешествие началось спустя пять лет после событий 1349 года.

Зима 1354-го. Война всё набирала свои обороты, и я не мог помыслить о том, чтобы отправиться во Францию и начать эту хронику, пока не наткнулся на письмо некоего Ш. Гутьера.

Я нашёл его случайно — в бумагах старого знакомого, купца Джона Кобаля. В то время он был опытным шпионом. Перехватывал в основном почту, шедшую из Франции, — а Гутьер, видно, писал не только сыну: разослал просьбы по всем, кто мог бывать в Лондоне.

Письмо лежало в пыльном ящике, рядом с молитвенником, сложенное вчетверо. Прочтя его, я отчётливо почувствовал беспокойство отца за сына. За Пьера Гутьера. Того самого доктора. Истинного владельца дневника. В письме он описывал своё бессилие, свою усталость от неведения. Единственное, о чём он просил, чего хотел — узнать хоть что-нибудь о своём ребёнке.

Несколько недель я носил это письмо с собой, доставал, читал и убирал, как убирают то, что болит, но выбросить рука не поднималась. Были причины не ехать. Война. Море. Возраст. И главное — я хорошо понимал, что везу старику не весть, а приговор. Ведь я знал главное — то единственное, чего не знал он. И этого было довольно.

Решился — и собирался ещё две недели. Собрание моё уместилось в одну суму: запас перьев, стопка бумаг, немного одежды и то самое письмо, завернутое в ветошь. Дорога до побережья — отдельная история. Страна жила войной долго и уже привыкла к ней. На каждом тракте — посты, на каждом посту — расспросы: кто, откуда, куда и зачем. О купце-писце, едущем во Францию по частному делу, слушали равнодушно и отпускали с миром. Один только стражник, услышав слово «Кан», помолчал и сказал: «Хороший город. Был». Что он имел в виду — спрашивать не стал.

Пролив Дуврский я перешёл в конце зимы — не один: с полдюжины торговцев да двое солдат для сопровождения. Море было скверное. Дважды мы проходили мимо обломков — мачты торчали из воды, как спицы, и никто на палубе даже не поднял головы. Пять лет назад каждый бы крестился. Теперь — привычка. Война и поветрие выучили Англию не смотреть на мёртвых. Высадился в Кале. Потом дороги, потом недели в чужих городах. Добрался до города Кан и сразу начал разыскивать Ш. Гутьера. Язык я знаю, поэтому выяснить адрес человека, который, возможно, написал это письмо, было несложно. Улица Фруад — узкие проходы, сумрак, холод. Я едва стукнул в дверь дома, как она отворилась. Шарль, так его звали, был мал ростом, прям, сух.

Я рассказал, зачем приехал. Он усадил меня за стол, сам сел напротив и просто молчал. Он смотрел на меня так, как смотрят на письмо, которое боятся развернуть. Он знал. Отец всегда знает раньше, чем узнают остальные. Я выложил письмо. Он спросил меня, жив ли его сын. Я ответил. Не словами. Просто покачал головой — и этого хватило.

Старик не заплакал. Он кивнул — так кивают человеку, который привёз наконец весть, пусть и последнюю, — и долго молчал, глядя в очаг. Потом рассказал мне об ожидании. Попросил рассказать всё, что знаю я.

Врать не хотелось. Грехов достаточно. Я рассказал про нож. Про то, что не знал его совсем, но уверен, что он был хорошим. Очень хорошим. Старик выслушал. А потом — заговорил. Не о смерти. О жизни.

Он говорил почти до рассвета, и я не перебивал, потому что понял: сейчас я узнаю о Пьере Гутьере то, что мог знать, если бы события развернулись по-другому.

Пьер родился в 1325 году. Единственный сын в семье. К медицине интереса не проявлял, пока отец не заболел после того, как мать кинула их ради какого-то мореплавателя и упорхнула в неизвестном направлении.

Шарль не быстро, но всё же поправился и отдал сына в учение. Семья держала лавку ремесленных товаров. Деньги водились. Мать происходила из семьи плетельщиков корзин и была набожна так, как бывают набожны простые женщины. Каждое воскресенье — месса. Каждый пост — без исключений. Каждый вечер — молитва вслух, и сына она брала за руку и ставила рядом, пока тот не дорос до того возраста, когда от рук отнимаются. Её имени он не назвал — было ясно, что вспоминать не хочет. Я не выпрашивал, ведь знал, как её зовут.

Отец видел, что предательство матери подкосило и Пьера. Тот отрёкся от неё, но с верой не прощался и старался соблюдать обеты.

Жены у Пьера не было. Детей не было. Из женщин — одна мать, да и та бросила, как кукушка.

Университет Монпелье — престижное заведение. Учился хорошо, но не блестяще; старик усмехнулся, когда это говорил. Блестящие покидают дом и не пишут. Пьер писал. Каждое Рождество — письмо. Каждое важное событие — письмо. Дальше — Марсель, чума, попытки стать хорошим чумным доктором. В этом, по словам отца, не преуспел.

Шарль рассказывал мне, как Пьер приходил к нему. Советовался об отъезде в Англию, в Лондон. Туда, где, по слухам, болезнь успешно лечили. Сомневался, боялся, что там не получится, как и тут. Это со слов отца. Я знаю другую правду, правду со страниц дневника Пьера, из писем от неизвестного адресата, которые были вложены в дневник. Старику я не сказал. Мать Пьера была в Лондоне.

Почему он не сказал отцу? Этого уже не узнать. Возможно, боялся, что тот отговорит его, не пустит. Решил молчать. Как часто дети, не желая причинять боль родителям, умалчивают горькую правду...

Кто знает, возможно, решился бы он приплыть раньше — или передумал бы вовсе, — и всё сложилось бы иначе. Но тогда мир не узнал бы о нём. О втором докторе. О том самом докторе, который принимал участие в событиях осени сорок девятого. Ловлю себя на мысли, что называю его доктором, хотя уже знаю правду...

В начале лета 1349 года Шарль, видя смятение своего сына, дал совет идти за своей мечтой. А теперь себя за это корит...

Я отказался от денег, которые мне предлагал Шарль за весть о сыне. Сказал, что делаю это для того, чтобы оставить о них истории, память, только и всего. Шарль спорить не стал. Только посмотрел на меня долгим взглядом человека, который привык считать деньги и знает, что иногда их отказ — дороже самой суммы. Впрочем, по-своему он всё же расплатился: уходя, я задержался у порога, и Шарль Гутьер произнёс фразу, которую я буду повторять себе все десять лет пути: «Вы едете описывать истории людей, которых уже нет. Постарайтесь описать их живыми. Мёртвыми они и так останутся». Уверен, что он не догадывался, чем она станет. Десять лет пути. Целая книга.

Я попытался пойти дальше — в Марсель. Не пустили: перемирие действовало, но власти были осторожны, а англичанин без веской причины никому не нужен. Да и чума там сошла на нет пару лет назад.

Дорога назад в Англию показалась мне длиннее, чем дорога туда. Так всегда бывает, когда едешь уже не за чем-то, а от чего-то: от Пьера, от его старика, который теперь будет жить дальше — потому что ему наконец разрешили. Я старался записать всё, вспомнить и отдать бумаге, чтобы сохранить на годы. Удивительно, с какой лёгкостью Пьер и тот, второй, сохраняли свои мысли в дневнике. Не каждому дано.

Поиск всех историй занял у меня десять лет. Долгих. Я тогда не догадывался, что некоторые двери открою, а некоторые будут открываться сами — в самое неподходящее время. Что письмо иногда важнее камня на могиле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.